

Философические письма. Русско-европейский диалог. 2022. Т. 5, № 2. С. 9–44.

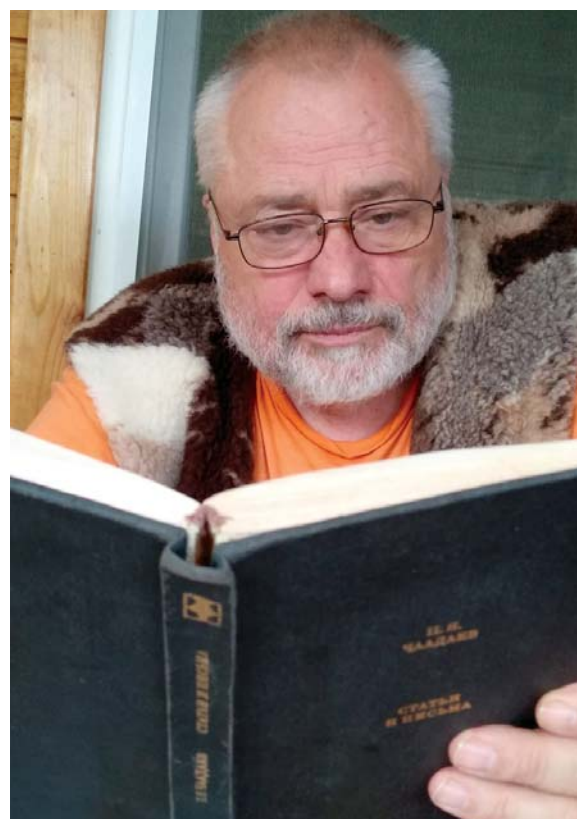
Philosophical Letters. Russian and European Dialogue. 2022. Vol. 5, no. 2. P. 9–44.

Научная статья / Original article

УДК 821.161.1

doi:10.17323/2658-5413-2022-5-2-9-44

## К ВОПРОСУ О ГИБЕЛИ ПЕТРОВСКО- ПУШКИНСКОЙ РОССИИ, ИЛИ РЕВОЛЮЦИЯ ПЕТРА ВЕЛИКОГО И КОНТРРЕВОЛЮЦИЯ ВЛАДИМИРА ЛЕНИНА



**Владимир Карлович Кантор**  
Национальный исследовательский  
университет «Высшая школа экономики»,  
Москва, Россия, [vlkantor@mail.ru](mailto:vlkantor@mail.ru)



**Аннотация.** В статье обсуждается судьба России как важнейшая проблема ее истории. Созданная Петром и одухотворенная Пушкиным Российская империя была разрушена Владимиром Лениным. Созидательная сила Петра была направлена на создание: флота и регулярной армии для защиты

© Кантор В. К., 2022

государства; нового алфавита и введение нового летоисчисления, а тем самым и христианского хронотопа; социальной структуры, состоящей из двух сословий — дворянства, обязанного государству службой, но и подарившего России ученых и писателей (от Пушкина до Бунина) и священников, давших стране политических деятелей (Сперанского и др.), блестящих историков (С. Соловьева, В. Ключевского и др.), а также писателей (Достоевского, Чернышевского, Шаламова и др.). Оба эти сословия обладали созидательной силой и определили развитие и просвещение России. Социальная структура была закреплена в табели о рангах, выполнявшей функцию социального лифта: образование и служба давали возможность социальному росту человека. Автор считает, что Петр пытался поставить принцип толерантности в основу своего правления, опираясь на идеи Локка и Лейбница, которые нашли применение, к примеру, в договорных отношениях государства со старообрядцами. В начале XVIII века внезапно вышедшая навстречу Европе Карла Великого Россия Петра Великого ошеломила и напугала Запад. Автор обращает внимание на своего рода «рецепты» от К. Маркса и Ф. Энгельса времен Крымской войны, предлагавших уничтожить Россию. Марксизм в руках Ленина стал идеологией, приведшей вождя большевистской партии к «антипетровскому перевороту» в России. Он усвоил идею Маркса о необходимости для блага европейского человечества покончить с Российской империей. Ленин, не колеблясь, принял помощь для разрушения России от ее врагов и действовал по всем направлениям: уничтожил созданные Петром сословия, отменил социальный лифт, создал «номенклатуру» и репрессивный аппарат (ВЧК), поставленный им над законом. Автор приходит к выводу, что Петр строил империю, европейское государство, а Ленин, разрушив его, заложил основы тоталитарной деспотии.



**Ключевые слова:** Петр Великий, Пушкин, Российская империя, свобода, крушение, революция, Ленин, деспотия, тоталитаризм



**Благодарности:** Статья подготовлена в рамках Программы фундаментальных исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ).



**Ссылка для цитирования:** Кантор В. К. К вопросу о гибели петровско-пушкинской России, или Революция Петра Великого и контрреволюция Владимира Ленина // Философические письма. Русско-европейский диалог. 2022. Т. 5, № 2. С. 9–44. <https://doi.org/10.17323/2658-5413-2022-5-2-9-44>.

*From the Editor*

ON THE QUESTION OF THE DEATH OF PETER THE GREAT AND PUSHKIN'S RUSSIA,  
OR THE REVOLUTION OF PETER THE GREAT  
AND THE COUNTER-REVOLUTION OF VLADIMIR LENIN

**Vladimir K. Kantor**

National Research University "Higher School of Economics"  
(HSE University), Moscow, Russia, vlkantor@mail.ru



**Abstract.** The article discusses the fate of Russia as the most important problem of its history. Created by Peter and spiritualized by Pushkin, the Russian Empire was destroyed by Vladimir Lenin. The creative power of Peter was aimed at creating: a fleet and a regular army to protect the state; a new alphabet and the introduction of a new chronology, and thus the Christian chronotope; a social structure consisting of two estates — the nobility, who owed the state a service, but also gave Russia scientists and writers (from Pushkin to Bunin) and priests, who gave the country political figures (Speransky and others), brilliant historians (S. Solovyov, V. Klyuchevsky, etc.), as well as writers (Dostoevsky, Chernyshevsky, Shalamov, etc.). Both of these estates possessed creative power and determined the development and enlightenment of Russia. The social structure was enshrined in the table of ranks, which served as a social lift: education and service made it possible for a person to grow socially. The author believes that Peter tried to put the principle of tolerance at the basis of his government, relying on the ideas of Locke and Leibniz, which were used, for example, in the contractual relations of the state with the Old Believers. At the beginning of the 18<sup>th</sup> century, the Russia of Peter the Great, which suddenly came out to meet the Europe of Charlemagne, stunned and frightened the West. The author draws attention to a kind of "recipes" from K. Marx and F. Engels during the Crimean War, which proposed to destroy Russia. Marxism in the hands of Lenin became the ideology that led the leader of the Bolshevik party to the "anti-Petrine coup" in Russia. He adopted Marx's idea that it was necessary for the good of European humanity to end the Russian Empire. Lenin, without hesitation, accepted help for the destruction of Russia from her enemies and acted in all directions: he destroyed the estates created by Peter, abolished the social elevator, created the "nomenklatura" and the repressive apparatus (VChK), which he put above the law. The author comes to the conclusion that Peter was building an empire, a European state, and Lenin, having destroyed it, laid the foundations of totalitarian despotism.



**Keywords:** Peter the Great, Pushkin, Russian Empire, freedom, collapse, revolution, Lenin, despotism, totalitarianism



**Acknowledgments:** The article was prepared within the framework of the Basic Research Program at the National Research University “Higher School of Economics” (HSE University).



**For citation:** Kantor, V.K. (2022) ‘On the Question of the Death of Peter the Great and Pushkin’s Russia, or the Revolution of Peter the Great and the Counter-revolution of Vladimir Lenin’, *Philosophical Letters. Russian and European Dialogue*, 5(2), pp. 9–44. (In Russ.). doi:10.17323/2658-5413-2022-5-2-9-44.

---

Хлябь, хаос — царство Сатаны,  
Губящего слепой стихией  
И вот дохнул он над Россией,  
Восстал на Божий строй и лад —  
И скрыл пучиной окаянной  
Великий и священный Град,  
Петром и Пушкиным созданный.

*Иван Бунин*

*День памяти Петра. 1925*

В русской истории, безусловно, возвышаются два правителя, два человека, определивших на многие годы судьбу страны, — это Петр Первый и Владимир Ленин. По слову Тютчева, «блажен, кто посетил сей мир в его минуты роковые». 1917 год предоставил эту возможность мыслящим русским людям. Как писал Бердяев, да это и так было ясно, в роковые минуты обнажаются исторические пласты, позволяющие задуматься о том, что происходит сегодня в историческом контексте. Чем вызван такой резкий поворот исторического руля, куда теперь поплывет корабль по имени Россия? — вот вопрос, который задавали себе мыслящие единицы.

Сравнение Петра и Ленина напрашивалось и звучало с первых моментов победы Октябрьского переворота. Если это была революция, то и деяния Петра, бесспорно, из того же ряда. Вспоминалось, что уже Пушкин сравнивал Петра с французским Конвентом, с Мирабо, видел в нем сразу Робеспьера и Наполеона. Не очень разобравшись в смысле и векторе российского землетрясения 1917 года, поэты ухватились за слова Пушкина о революционности Петра. Причем поэты гениальные, такие как Волошин и Цветаева.

## I

Но начнем с Петра.

Стоит задуматься для начала, что было на нашей территории к моменту рождения Петра. Если кратко: был развал государства и национальный хаос, или, говоря формулой народных былин, в стране господствовало «горе-злочастье». Каков был выход? Вариант — стать колонией Польши или Швеции. Либо пробиться к морю. Получить выход в Европу. Моря, как мы знаем, связывают культуры, а леса и пустыни их разъединяют. Моря структурируют цивилизованное пространство, связывая торговыми путями разные страны. Таково было Средиземное море, создавшее античную цивилизацию. Таково было и Балтийское (оно же Варяжское, оно же Восточное). По словам Гердера, «Для северных обитателей Европы Восточное море послужило тем, чем для Южной Европы было Средиземное море. <...> Какая бы народность ни жила на этих берегах, к какому бы племени она ни принадлежала, здесь всегда, больше или меньше, занимались торговлей» [Гердер, 1977, с. 475].

Русь была отрезана шведами от Балтики. Как пишет современный шведский исследователь, шведы были уверены, что отныне они хозяева Варяжского моря, а угрозы русских выглядели как бессильные фразы побежденных. Цитирую: «При подписании Столбовского мирного договора в 1617 году, когда эта провинция перешла в руки шведов, русские представители так прямо и высказали это: раньше или позже Ингерманландия вернется к России»



В. Серов. Петр I на строительстве Петербурга. 1907



А. М. Матвеев. Петр Первый. 1724–1725

[Энглунд, 1995, с. 30]. До появления Петра было еще больше полувека, а при том состоянии, в котором пребывала Московская Русь, было понятно, что это всего лишь фраза бессилия. Ведь только счастливый случай, только провидение могло помочь слабой стране. Но Пушкин замечал, что нельзя забывать о великой силе Божьего предопределения.

Пушкин предложил свою формулу России, русской истории, ее шанса вырваться из объятий горя-злочастья. И шанс этот он видит не в «пробуждении самобытного духа народа» [Полевой Н. А., Полевой Кс. А., 1990, с. 45], — его формула основана на вере в *чудо христианского откровения и преображения*. Он говорил о том, что человек «ви-

дит общий ход вещей и может выводить из оно-го глубокие предположения, часто оправданные временем, но невозможно ему предвидеть *случая* — мощного, мгновенного орудия провидения» [Пушкин, 1959–1962, т. 6, с. 324]. Именно Петр стал тем случаем, тем орудием провидения, тем перводвигателем, «шкипером славным», «кем наша двинулась земля», кто удержал Россию «над самой бездной». Когда никто уже не ожидал спасения, когда страна вырожда-лась в бунтах и мелких интригах бояр, явился Преобразователь («наконец, явился Петр» [там же, с. 408]), которого никто, никакой ум предвидеть не мог, ибо было это — явление, то есть случай, для России — спасительный.

Вспомним эпоху, когда явился в России Петр: это «бунташный» XVII век. Попробуем заглянуть за привычный термин. Что за ним скрывается? Замечательно описал эту ситуацию С. М. Соловьев, говоря, что даже робкие попытки городского устройства Руси наталкивались на яростное сопротивление степно-го стихийного начала:

Польша и Швеция легли на дороге, загордили море, пробиться было не-возможно с теми нестройными массами, какие представляло русское войско,

Из темной глубины фона выступает лицо Пушкина с заострившимися чертами, беспокойным взглядом глубоко запавших глаз. С поразительной силой отразились в этом портрете пушкинские настроения последних лет жизни - усталость от житейских забот, невыносимое бремя конфликтов со светским обществом. Здесь Пушкин представлен совершенно натурально, без всяких прикрас. Это последнее прижизненное изображение поэта.



И. Л. Линева. Портрет А. С. Пушкина

требовавшее для успеха коренного преобразования. На западе загорожена дорога, а восток, степной восток, употребляет последние усилия, чтоб удержать свою добычу, свою пленницу — Россию. В то время как царь Иоанн IV обратил все свое внимание на запад, крымский хан подкрался и сжег Москву, сжег так, что она уже после того не поправлялась. Только что при царе Борисе успели решить вопрос, что лучше отправить своих русских за границу учиться, чем вызывать иностранных учителей в Россию, только что распорядились исполнением этого решения, как степи снова всколыхнулись, явились оттуда казаки с самозванцами и выполнили степную работу опустошения, уравнения, т.е. уравнивали все с землею полчище татар; долго Россия должна была отдыхать, оправляться после посещения этих проповедников протеста. Путешественники рассказывают, что когда они проезжали местами, где гостили казаки, то, чтоб остановиться и погреться в избах, прежде нужно было очистить эти избы от трупов их прежних обитателей.

[Соловьев, 1995, с. 29]

Открываем «Историю Петра I» и видим, какое огромное место отводит Пушкин бунтам, сотрясавшим Россию накануне воцарения Преобразователя. В эти годы бунт с окраин государства переместился в столицу, и ситуация стала в некотором смысле хуже Смуты — не было династической смены, не шли на Москву иноземцы (напротив, они защищали верховную власть от собственного народа). Просто ненормальность явилась как норма, как образ жизни. Когда



Н. Д. Дмитриев-Оренбургский. Стрелецкий бунт. 1862

то по поводу восстания Степана Разина европейцы сетовали, что если падет Москва, единственное место, где возможны межгосударственные отношения, то Европа останется перед дикой и опасной степью. Но вот и Москва взорвана изнутри. Пушкин приводит простые факты: «Петр избран был 10 мая 1682 г. и в тот же день ему присягнули. Мая 15. Стрельцы, отпев в Знаменском монастыре молебен с водосвятием, берут чашу святой воды и образ Божьей матери, предшествуемые попами, при колокольном звоне и барабанном бое вторгаются в Кремль». Картинка впечатляющая: православные священники ведут бунтовщиков на православного царя. Но дальше: «Деда Петра, Кирила Полуехтовича, принудили постричься, а сына его Ивана при его глазах изрубили» [Пушкин, 1959–1962, т. 8, с. 20–21]. Необходимо добавить, что боярина Артамона Матвеева, в доме которого выросла и воспиталась мать Петра Наталья Нарышкина, стрельцы рубили на части на глазах десятилетнего мальчика. С этого дня у Петра начался нервный тик, лицевое подергивание.

Как писал Чернышевский, разбойничьи шайки в допетровскую эпоху напминали армии, и можно удивляться, что хоть какая-то часть населения уцелела и дожила до петровской революции, петровского переворота. А это была именно революция. Напомню слова Пушкина из «Материалов записных книжек»: «Только революционная голова, подобная Мирабо и Петру, может любить Россию так, как писатель только может любить ее язык. Все должно творить в этой России и в этом русском языке» [там же, т. 7, с. 347]. Здесь весьма важное слово *любить*. Как писал современник Пушкина Владимир Печерин,



Как сладостно отчизну ненавидеть  
И жадно ждать ее уничтожения!  
И в разрушении отчизны видеть  
Всемирную десницу возрождения!  
(1835)

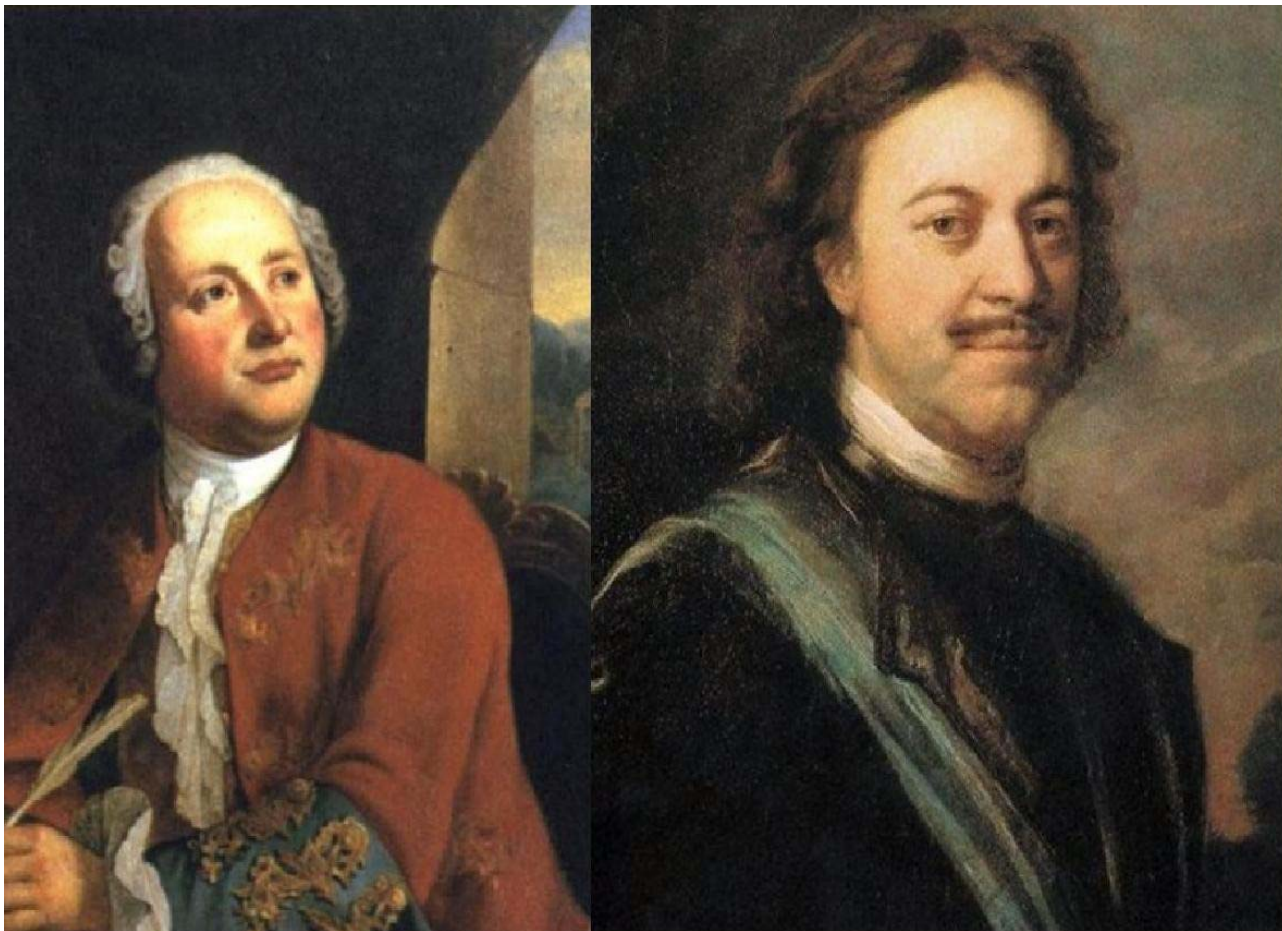
Но ненависть бесплодна и разрушительна, творить можно только любя. Поэтому Петр создал из никакой России, разрушенной боярскими дрязгами, России-Гуляйполе, мощную державу, а Пушкин создал русскую литературу и русский язык. И с этой Россией удивленной Европе пришлось считаться: «Россия вошла в Европу, как спущенный корабль, при стуке топора и при громе пушек. Но войны, предпринятые Петром Великим, были благодетельны и плодотворны. Успех народного преобразования был следствием Полтавской битвы, и европейское просвещение причалило к берегам завоеванной Невы» [Пушкин, 1959–1962, т. 6, с. 408–409].

И уже русский европеец Тютчев писал: «В течение веков европейский Запад совершенно простодушно верил, что кроме него нет и не может быть другой Европы. <...> Наконец времена свершились, рука исполина сдернула завесу, и Европа Карла Великого оказалась лицом к лицу с Европой Петра Великого...» [Тютчев, 2003, с. 118]. Разумеется, Европа не хотела смириться с Россией, вошедшей в ее, как ей казалось, культурное пространство под грохот пушек. И пошли, говоря сегодняшним языком, *фейки*, которые на многие годы вперед вложены в сознание Запада и многих русских ученых, чтобы определять образ Петра. Как бы в поисках истины стали отказываться от пушкинского понимания великого императора, от того, как понимали Петра С. М. Соловьев и его сын В. С. Соловьев или даже историк-славянофил М. П. Погодин. Его слова приведу:

Место в системе Европейских Государств, управление, разделение, судопроизводство, права сословий, табель о рангах, войско, флот, подати, ревизии, рекрутские наборы, фабрики, заводы, гавани, каналы, дороги, почты, земледелие, лесоводство, скотоводство, рудокопство, садоводство, виноделие, торговля внутренняя и внешняя, одежда, наружность, аптеки, госпитали, лекарства, летоисчисление, язык, печать, типографии, военные училища, академия — суть памятники его неутомимой деятельности и его Гения.

[Погодин, 2010, с. 233]

В «Истории Петра I» Пушкин замечает: «Народ почитал Петра антихристом» [Пушкин, 1959–1962, т. 8, с. 12], потому что он отправлял русских юно-



шей на учебу в Европу. Для Пушкина, видевшего в Петре создателя России, это дикость. Ведь народ — это Пугачев и его воры, это холерные бунты, когда лечивших врачей и офицеров («благородных») закапывали живьем в землю и топили в колодцах. Правда, это и няня, но и кузнец Архип из «Дубровского». Народ охотно идет на бунт и более жесток, чем Дубровский, — так сжигают приказных, которых барин хотел отпустить. Пугачев приказал повесить астронома Ловица — «поближе к звездам». Так что это аргумент в пользу Петра, ибо народ не хочет образования. Антихрист пришел позже при поддержке народа.

К перечислению Погодина необходимо добавить, особенно учитывая второго персонажа моей статьи, изменение в социальной структуре страны. Петр утвердил два сословия:

- дворянство вместо боярства. Дворянин был обязан государству службой, прежде всего военной. А так как всё пошло на европейский манер, то дворяне ездили за обучением в Европу. Так создалось первое просвещенное сословие. Просвещение — это то, что Петр требовал от подданных;

- сословие священников. Петр ввел как обязательное условие обучение в семинарии для получения сана. А в семинариях кроме Священного писания

семинаристы обязаны были знать, разумеется, церковнославянский, латынь и один из современных европейских языков. Из этого слоя вышли Сперанский, Ключевский, С. М. Соловьев, Н. Страхов, вплоть до Евгения Замятина.

Далее, очень важна введенная Петром табель о рангах — это социальный лифт. Скажем, бывший крепостной мальчик Александр Никитенко стал русским академиком, а купеческий сын Алексей Гаврилович Венецианов — членом Петербургской академии художеств, то есть академиком живописи. Ну и т. д. Не говорю уж о Ломоносове.

Наконец, несколько слов о гуманизме Петра. Почему-то нынешние постсоветские ученые, пишущие о Петре, будто путают его с Лениным, без конца в духе «народных витий» с Запада обвиняют его в невероятной жестокости, по сути повторяя тезис Ленина, что Петр истреблял варварство варварскими методами. Но самое большое его «злодейство», которое могут припомнить, и то больше опираясь на картину Сурикова, — это казнь стрельцов. Не забудем, однако, что стрельцы изрубили близких ему людей на его глазах, глазах 10-летнего мальчика, что они охотились за ним, чтобы убить его.

Но вот раскольники — и отец, и царевна Софья — устраивали так называемые «проведывания», истребляя людей десятками. Петр в 1702 году заключил со старообрядцами Выговские договоры, дав им право отправлять службы по старым книгам и ряд экономических льгот. С тех пор власть их больше не трогала, и старообрядцы выросли в мощную интеллектуальную и экономическую силу. Почти все великие русские меценаты (Третьяков, Морозов, Рябушинский и др.) из раскольников. По точному выражению А. Г. Брикнера, Петр перенес вопрос о расколе *«из круга церковного ведомства в бюджетные соображения»*. Выговцы приняли предложенные властью условия: они платили налоги, были приписаны к Олонецким Петровским заводам, на которых выполняли важные производственные обязанности (по изысканию и разработке руды) — и тем самым обеспечили общежителю легальное положение.



Александр Густавович Брикнер (1834–1896)  
русский историк немецкого происхождения

Хочется привести соображение Брикнера, актуальное и сегодня:

Развитие историческое происходит, в сущности, независимо от отдельных личностей. Россия и без Петра превратилась бы в европейскую державу; он не создал нового направления в историческом развитии России; но, благодаря гениальности и силе воли Петра-патриота, Россия особенно быстро и успешно подвинулась вперед в указанном ей уже прежде направлении. Народ, создавший Петра, может гордиться этим героем, бывшим как бы продуктом соприкосновения русского народного духа с общечеловеческой культурой. Глубокое понимание необходимости такого соединения двух начал, национального и космополитического, доставило Петру на вечное время одно из первых мест в истории человечества.

[Брикнер, 2007, с. 722]

Направление мыслей Петра ясно и из тех книг, которые он велел переводить. Напомню прежде всего книгу Джона Локка «О толеранции» («О веротерпимости»), Локка, идейного вдохновителя европейской демократии. Великий Лейбниц был его реальным советником в деле просвещения России. И философ до самой своей смерти переписывался с императором. Последняя их встреча произошла в 1716 году, незадолго до смерти Лейбница. Как известно, Лейбниц писал о Петре: «Удивляюсь в этом государе столько же его гуманности, сколько познаниям и острому суждению».

О гуманности Петра писал и Пушкин.

Напомню строчки из его стихотворения «Пир Петра I»:

Он с подданным мирится;  
Виноватому вину  
Отпуская, веселится;  
Кружку пенит с ним одну;  
И в чело его целует,  
Светел сердцем и лицом;  
И прощенье торжествует,  
Как победу над врагом.

Однако западные путешественники и дипломаты стали утверждать в сознании своих соотечественников, да и наших ученых, опираясь на слухи и клеветы противников Петра, некий миф, доживший до наших дней. Пожалуй, впервые он был введен в оборот датским посланником в России Юстом



Готфрид Вильгельм Лейбниц (1646–1716)

Юлем в его «Записках» за 1710 год, где утверждается, что, «как говорят», за первый год строительства в общей сложности погибло более 100 тысяч человек: «Царь в том же 1703 году заложил сильную, почти неприступную крепость, названную С.-Петербургом, при сооружении которой от работ, холода и голода погибло, как говорят, более 60 000 человек». А о замке Кроншлот: «говорят, при сооружении его погибло от голода, холода, морозов и изнурительной работы более 40 000 крестьян» [Юль, 2001, с. 153]. Типа сам не видел, но слышал. Иными словами, ненависть к неожиданно откуда-то взявшейся России была очевидна.

Любопытно, что почвенники российские и почвенники западные совпадали в неприятии римского пути России, назвав его ложным развитием или, если воспользоваться термином Шпенглера, «псевдоморфозом». Для немецкого культурфилософа ненависть к России подсказывает и ненависть к Петербургу как «бесплодной попытке» слабой и дикой расы выйти из самой природой очерченного ей круга примитивности. Ссылаясь на характеристики Достоевского об «умышленности» этого города, он формулирует:

Вслед за этой московской эпохой великих боярских родов и патриархов, когда старорусская партия неизменно билась против друзей западной культуры, с основанием Петербурга (1703) следует псевдоморфоз, втиснувший *при-*

*митивную русскую душу* (курсив мой. — В. К.) вначале в чуждые формы высокого барокко, затем Просвещения, а затем — XIX столетия. Петр Великий сделался злым роком русскости. *Примитивный московский царизм — это единственная форма, которая в пору русскости еще и сегодня* (курсив мой. — В. К.), однако в Петербурге он был фальсифицирован в династическую форму Западной Европы.

[Шпенглер, 1998, с. 197]

Шпенглер утверждал, что «никаких русских городов никогда и не бывало. Москва была крепостью — Кремлем, вокруг которого расстилался гигантский рынок. У Москвы никогда не было собственной души» [там же, с. 199]. Петр, строя Петербург, строил именно город, превращая Россию в городскую страну. Осознание того, что Россия вошла в Европу, освоив берег Варяжского моря, прозвучало в великом гетевском «Фаусте». Немецкий поэт очень оценил усилия Петра по преобразению покинутого местными жителями берега моря, его пустынных волн. Связь образа Петра и Фауста не раз отмечалась.

Я сошлюсь на подробный (с цифрами и точными данными) анализ этой ситуации, сделанный прекрасным историком Е. А. Андреевой, полностью разрушающий этот миф. Приведу заключительный пассаж ее статьи:

Можно сделать вывод о том, что смертность среди первых строителей Петербурга, составлявшая в среднем — 6–8%, была обычной для того времени и во много раз меньшей цифр, приводимых иностранными наблюдателями. И это неудивительно, ведь для создания Петербурга необходима была здоровая и трудоспособная рабочая сила. Работников с большим трудом удавалось собрать с разных концов страны и привести в Петербург, поэтому каждый был в цене, и правительство не было заинтересовано в их потере, которая, безусловно, имела место и была связана, в первую очередь, с необеспеченностью провиантом, а также неблагоприятными погодными условиями. Строительство новой Российской столицы имело для Петра I настолько первостепенное значение, что он самолично заботился об обеспечении строителей города не только денежным и хлебным жалованьем, но и доступными лекарственными и профилактическими средствами.

[Андреева, 2013, с. 39]

Итак, резюмирую: Петр строил русское государство, выстроил империю. Питерский историк пишет, что впервые в русской политической мысли были сформулированы понятия «долга», «обязанности» монарха, очерчены пределы

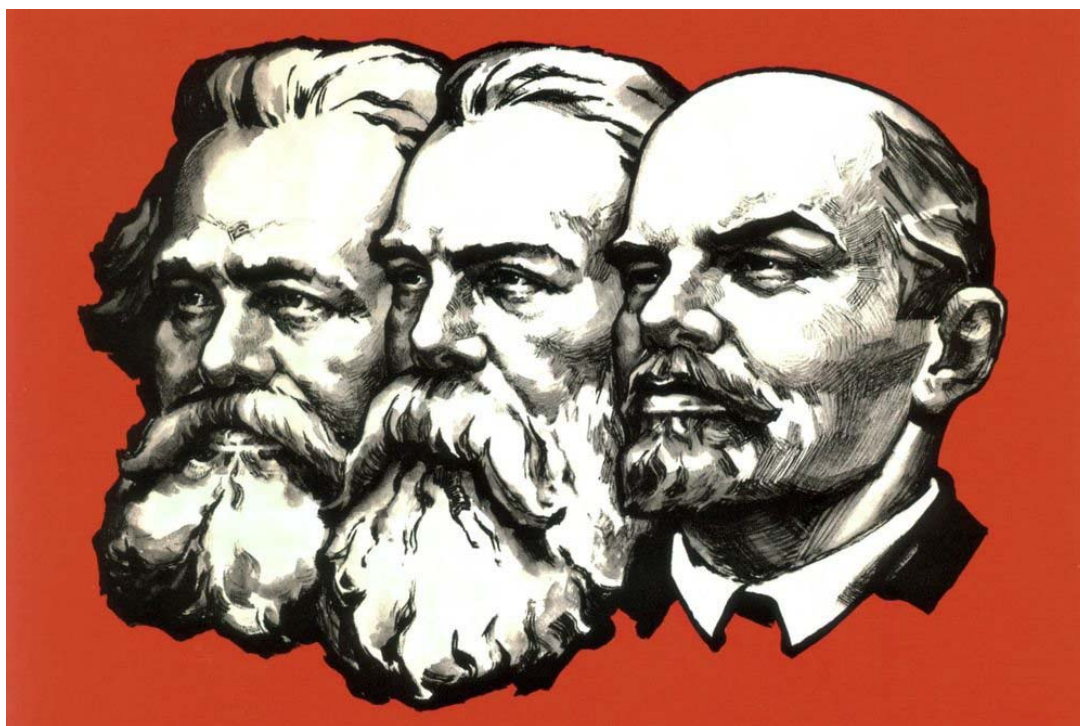
(точнее, признана беспределность) его власти — необходимейшее условие для эффективного исполнения «царской работы».

Идеи рационализма, начала «разума», «порядка» во многом владели умом Петра. Говоря о своеобразном демократизме, работоспособности, самоотверженности великого реформатора, нельзя забывать одного принципиального различия между «службой» царя и службой его подданных: для последних это была служба государю, с которой сливалась служба государству. Иначе говоря, своим каждодневным трудом Петр показывал пример служения себе, российскому самодержцу.

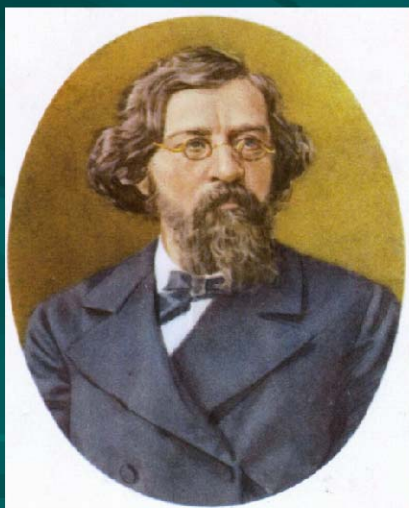
[Анисимов, 1989, с. 13]

## II

Но каким образом на смену Петру пришел человек, сумевший полностью разрушить то, что создал великий император? Нужна была идеология, которая могла бы стать основой разрушения. Ведь Россия вопреки утверждениям Шпенглера уже вошла в пространство европейской культуры, где идея, теория играли очень большую роль. Неслучайно в XX веке вся Европа оказалась покрыта деспотическими идеократиями. Первой в этом ряду оказалась Россия. Так что у второго героя моей статьи была мощная идея, великая теория. Я



Коммунистический иконостас.  
Висел в комнате моей бабушки, члена партии с 1903 г.



Николай  
Гаврилович  
Чернышевский  
(1828 – 1889)

*Выдающийся, сильный ум, обогащённый обширными познаниями, единогласно признавали в Николае Гавриловиче Чернышевском как его друзья и почитатели, так и его противники и враги*

имею в виду марксизм, опираясь на который, Ленин построил жесточайшую тоталитарную деспотию. Неслучайно он говорил, что учение Маркса — ответ на все вопросы истории. В своей знаменитой статье «Три источника и три составных части марксизма» он написал: «Учение Маркса всеильно, потому что оно верно» [Ленин, 1971–1983, т. 23, с. 43]. Эта формула похожа на заклинание. Можно и наоборот: учение Маркса верно, потому что оно всеильно.

В СССР Маркс среди философов и других гуманитариев был обязателен. Разумеется, надо было читать «Манифест», первые главы «Капитала», очень читались «Немецкая идеология», «18 брюмера Луи Бонапарта», разные ста-



Карл Маркс (1818–1883)

тьи, книги — типа Маркс и Энгельс об искусстве с подборкой цитат, книги, составлявшиеся умными марксистами (Д. Лукач, Мих. Лифшиц), — и переписку этих классиков с русскими оппозиционерами, которых почему-то в те годы называли революционерами. Мы знали, что первый перевод «Капитала» был на русский язык. Русские радикалы и интеллектуалы были в упоении от Маркса, его читали, изучали, а Маркс присматривался к русским, но осторожно. Нравился ему и вызывал у него восхищение лишь Чернышевский, ради того, чтобы читать его работы, даже русский уже в зрелом возрасте выучил.



Чернышевскому Маркс вроде бы не нравился. Может быть, он чувствовал негативное отношение Маркса к России. Известно, что в беседе с таким же, как он, политкаторжанином С. Г. Стахевичем Николай Гаврилович сказал по прочтении «Капитала»: «Досадно одно: наша публика, прочитав у Маркса восхваление фабричных инспекторов, проникнется желанием иметь и у себя таких же инспекторов; того не подумают, что на нашей российской почве это чужеземное растение вырождается и примет совершенно другой вид, чем у них». «На книге “Capital” была сделана карандашная надпись: “пустословие в социальном духе”» [Стахевич, 2008, с. 161]. Иными словами, теория Маркса к России, по мнению Чернышевского, не подходила. Однако именно ее русские радикалы поставили во главу угла своей деятельности.



Фридрих Энгельс (1820–1895)

Надо сказать, что начетчик Ленин знал тексты Маркса и Энгельса почти наизусть. И где мог, работал по их лекалу. Если говорить об обращении классиков марксизма к теме России, то явно они обозначились по поводу Крымской войны.

Добавлю, что Крымская война велась англичанами с примкнувшими к ним французами против России. Энгельс и Маркс в этот момент жили в Лондоне, печатали свои тексты в нью-йоркской газете. То есть выражали англо-американские настроения.

Протестант Энгельс в статье «Европейская война» (1854) советовал союзникам, воевавшим против России:

Необходимо любой ценой добиться союза со Швецией, если понадобится, припугнуть Данию, развязать восстание в Финляндии путем высадки достаточного количества войск и обещания, что мир будет заключен только при условии воссоединения этой области со Швецией. Высаженные в Финляндии войска угрожали бы Петербургу, в то время как флоты бомбардировали бы Кронштадт. Правда, эта крепость занимает очень сильную позицию. Фарватер, ведущий к рейду, едва может пропустить два военных судна, идущие рядом, последние при этом вынуждены подставить свои борты под огонь батарей, рас-

положенных не только на главном острове, но и на небольших скалах, на отмелях и прилегающих островках. Некоторые жертвы не только людьми, но и судами неизбежны. Но если это будет учтено при составлении плана атаки, если будет решено пожертвовать тем или иным кораблем и если план будет осуществляться неуклонно и настойчиво, то Кронштадт должен будет пасть. <...> Во что превратилась бы Россия без Одессы, Кронштадта, Риги и Севастополя, если бы Финляндия была освобождена, а неприятельская армия расположилась у ворот столицы и все русские реки и гавани оказались блокированными? Великан без рук, без глаз, которому больше ничего не остается, как пытаться раздавить врага тяжестью своего неуклюжего туловища, бросая его наобум то туда, то сюда, в зависимости от того, где зазвучит вражеский боевой клич. Если бы морские державы Европы действовали с такой решимостью и энергией, то Пруссия и Австрия могли бы настолько освободиться от русского контроля, чтобы даже примкнуть к союзникам.

[Маркс, Энгельс, 1955–1981, т. 10, с. 4]

Стоит акцентировать, что прозвище Энгельса в семье Маркса было «генерал» — за его обзоры крымской кампании. Энгельс знал военное дело не понаслышке, не только из книг. Он сам служил в армии (в гвардейской пешей артиллерии), совмещая это занятие с посещением лекций в Берлинском университете. Во время революции 1848–1849 годов принимал участие в боевых действиях, проявив себя храбрым и грамотным офицером.

Но не отставал от него и Маркс (тоже протестант, имевший 12 колен раввинов, но, как и его отец, ставший выкрестом) в желании поставить Россию на колени, а то и вовсе уничтожить. В статье «Восточная война» (1854) он писал:

Без сомнения, турецко-европейский флот сможет разрушить Севастополь и уничтожить русский черноморский флот; союзники в состоянии захватить и удержать Крым, оккупировать Одессу, блокировать Азовское море и развязать руки кавказским горцам. То, что должно быть предпринято в Балтийском море, так же самоочевидно, как и то, что должно быть предпринято в Черном море: необходимо любой ценой добиться союза со Швецией; если понадобится, припугнуть Данию, развязать восстание в Финляндии путем высадки достаточного количества войск и обещания, что мир будет заключен только при условии присоединения этой провинции к Швеции. Высаженные в Финляндии войска угрожали бы Петербургу, в то время как флоты бомбардировали бы Кронштадт.

[Там же, с. 18]

В декабре 1858 года, накануне освобождения крестьян, в статье «Об освобождении крестьян в России» Маркс предрекал: «Настанет русский 1793 год; господство террора этих полуазиатских крепостных будет невиданным в истории, но оно явится вторым поворотным пунктом в истории России, и в конце концов на место мнимой цивилизации, введенной Петром Великим, поставит подлинную и всеобщую цивилизацию» [там же, т. 12, с. 701]. Он предрекал господство невиданного в истории террора, но видел в нем путь к *подлинной цивилизации*. Конечно, его ученик Ленин террора не боялся, сам его проводил.

Очень важно подчеркнуть поддержку Энгельсом русских террористов, охотившихся на императора. Он писал, что у русских нет другого варианта при якобы деспотическом режиме, и это в эпоху Великих реформ, открывшейся гласности, свободы печати, новых судов на европейский лад, военной реформы, то есть перехода от рекрутских наборов к всеобщей воинской повинности. *Не замечая этого, Маркс с Энгельсом приветствовали убийство Александра II.* Поразительно, сколь презрительно они говорили о петровских преобразованиях — «*мнимая цивилизация, введенная Петром Великим*». А ведь эта цивилизация дала миру (при их жизни) Пушкина, Гоголя, Глинку, Лобачевского, Бутлерова, Мечникова, Карамзина, С. М. Соловьева, Тургенева, Чернышевского, Льва Толстого, Достоевского, Чайковского, Римского-Корсакова, Мусоргского, Репина, Крамского, Александра Иванова. Из этих гениев они заметили только Чернышевского, может потому, что он был на каторге.

Некое резюме их отношения к России и Петру можно найти в словах Маркса:

Петр Великий действительно является творцом современной русской политики. Но он стал ее творцом только потому, что лишил старый московитский метод захватов его чисто местного характера, отбросил все случайно применявшееся к нему, вывел из него общее правило, стал преследовать более широкие цели и стремиться к неограниченной власти. <...> Петр Великий сочетал политическое искусство монгольского раба с гордыми стремлениями монгольского властелина, которому Чингисхан завещал осуществить свой план завоевания мира.

[Маркс, 1989, с. 10–11]

*Ленин был истинным учеником Маркса и Энгельса, под корень разрушая петровскую империю, истребляя без жалости ее население.*

Это презрение к России сыграло не последнюю роль как психологическая прелюдия Первой мировой войны. Стоит услышать слова Наума Коржавина из поэмы «Конец века»:

Всюду правит Прогресс.  
    Все живут и разумно, и чисто.  
Как наука велит,  
    удобрения вносятся в грунт...  
Только бомбы зачем-то  
    швыряют в царей нигилисты.  
Ну да это в России.  
    Там вечно холера иль бунт.  
Там парламента нет.  
    И пока что вводить его рано.  
Азиатский народ...  
    Но настанут когда-нибудь дни —  
И прогресс просвещенья  
    захватит и дикие страны,  
И приятною жизнью  
    тогда заживут и они...  
    ...  
А пока что Прогресс.  
    Всё, что с ним, —  
    человечно и свято.  
Все идеи — в почёте...  
    И — тоже идеям  
    верны,  
Напрягая умы,  
    колесят по земле дипломаты...  
Самым чутким ушам  
    уже слышится смех сатаны.

К. Н. Леонтьев в 1891 году писал:

Без строгих и стройных ограничений, без нового и твердого *расслоения* общества, без *всех* возможных настойчивых и неустанных попыток к восстановлению расшатанного сословного строя нашего, — русское общество, и без того довольно эгалитарное по привычкам, помчится еще быстрее всякого другого по смертному пути *всесмешения* и — кто знает? — подобно евреям, не ожидавшим, что из недр их выйдет Учитель *Новой Веры*, — и мы, неожиданно, лет через 100 каких-нибудь, из наших государственных недр, сперва бессловных,

а потом бесцерковных или уже слабо церковных, — родим того самого антихриста, о котором говорит Еп. Феофан.

[Леонтьев, 2007, с. 458–459]

И можно сказать, что русская культура на рубеже XIX и XX столетий была словно очарована темой антихриста. После Леонтьева эта тема явилась с невероятной силой в «Краткой повести об антихристе» (1900) Владимира Соловьёва, а один из сильнейших романов русской литературы — это роман Дмитрия Мережковского «Антихрист. Петр и Алексей» (1904–1905). В 1908 году был опубликован роман поразительного протоиерея Валентина Свенцицкого «Антихрист», в 1909 году Леонид Андреев пишет трагическую пьесу «Анатэма» (то есть анафема), герой которой не то дьявол, не то антихрист (в главной роли был великий В. Качалов). Все словно ждали антихриста, но когда он явился, ожидавшие испугались. Последователь Вл. Соловьёва, написавшего «Краткую повесть об антихристе» и чувствовавшего его приход, Александр Блок, всего через 18 лет изобразивший разнузданное движение войска Антихриста в рассказе о 12 каторжниках, назвал — словно с испугу — вождя этого движения Христом: «в белом венчике из роз впереди Иисус Христос». Безумие поэта отразило безумие человечества.

И антихрист явился. Вообще-то XX век породил несколько антихристов. Но все же первым был, как и предполагал Леонтьев, появившийся в России. И интересно, что, как и было предсказано в Евангелии, принимали этого разрушителя жизненных устоев за Спасителя. А говорилось в Новом Завете вот что:

Смотрите, не ужасайтесь, ибо надлежит всему тому быть, но это еще не конец; ибо восстанет народ на народ, и царство на царство; и будут глады, моры и землетрясения по местам; всё же это — начало болезней. Тогда будут предавать вас на мучения и убивать вас; и вы будете ненавидимы всеми народами за имя Мое; и тогда соблазняются многие, и друг друга будут предавать, и возненавидят друг друга; и многие лжепророки восстанут, и прельстят многих. <...> Тогда, если кто скажет вам: вот, здесь Христос, или там, — не верьте. Ибо восстанут лжехристы и лжепророки, и дадут великие знамения и чудеса, чтобы прельстить, если возможно, и избранных.

(Мф. 24:6–11, 23–24)

Стоит обозначить время его явления: в грохоте, дыму и пожарах подступавшей и наступившей вскоре мировой войны, страшной войны, в сущности

бойни, унесшей за 3–4 года десятки миллионов жизней, явственно проступил облик некоего Сверхчеловека.

Как писал Бердяев, из войны вышел новый антропологический тип, который дал кадры: в России большевиков, а в Германии нацистов. И этот новый антропологический тип возглавило жестокое, невиданное ранее по жесткости существо. В речи «Миссия русской эмиграции» Бунин говорил о Ленине: «Выродок, нравственный идиот от рождения, Ленин явил миру как раз в разгар своей деятельности нечто чудовищное, потрясающее, он разорил величайшую в мире страну и убил миллионы людей, а среди бела дня спорят: благодетель он человечества или нет?» [Бунин, 2006, с. 393]. По сути дела, он продолжил ужасы войны. Ленин сломал прежнюю, петровскую Россию, не структурировал, а сломал. По словам Г. П. Струве, Ленин как вершитель и организатор Коммунистического интернационала оборвал традицию и разрушил дело Петра Великого, отбросив Россию как государство в XVII век. И сделал он это разрушительное дело сперва при явной поддержке внешнего врага, ведшего с нашим государством войну, а потом при более или менее откровенной или прикровенной поддержке того же дела всеми враждебными нам внешними силами.

Ленин, однако, все же ссылался на Петра. В работе «О “левом” ребячестве и о мелкобуржуазности» (1918) он писал: «Пока в Германии революция еще медлит “разродиться”, наша задача — учиться *государственному капитализму немцев, всеми силами перенимать его, не жалеть диктаторских* (курсив мой. — В. К.) приемов для того, чтобы ускорить это перенимание еще больше, чем Петр ускорял перенимание западничества варварской Русью, не останавливаясь перед варварскими средствами борьбы против варварства» [Ленин, 1971–1983, т. 36, с. 301]. В деятельности Петра он искал оправдание собственных варварских средств.

Но что же это был за человек? Ведь легенд и мифов о нем бесчисленно. Остановлюсь на некоторых, важных для его культур-философского анамнеза. Про детство маленького Володи рассказано много умилительных историй, но чаще всего тиражировался рассказ о том, как он загонял младшего брата Митю под диван, а потом командовал: «Шагом марш из-под дивана!» Нас, помню, восхищала эта история. А ведь тут проявилась в классическом виде в детстве родившаяся похоть власти, желание подчинять и командовать. Как потом увидим, ради удовлетворения этой похоти он был готов на всё. И все с детства это принимали как должное.

Он в Симбирске родился,  
И никто не знал о том,

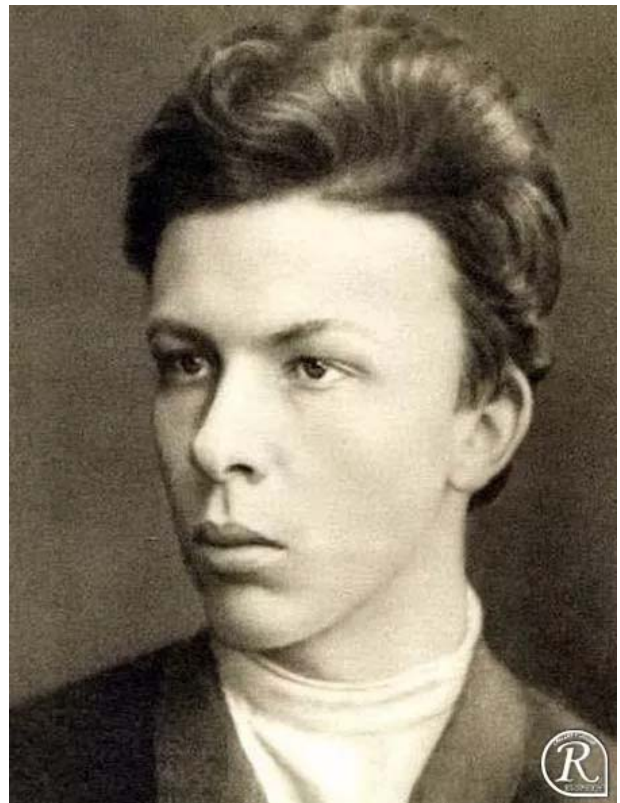
Кем же станет тот Володя.  
А Володя стал вождем!

Это стихи семиклассницы (1983), ходившей во Дворец пионеров в литературный кружок. Вождизм его очень чувствовался юными пионерами и комсомольцами. Да, Ленин — вождь мирового пролетариата, задолго до Гитлера фюрер, правда, не Германии, а *Führer des Weltproletariats*.

Вторая история — о беззаветной любви к старшему брату Саше. И подражание Саше во всем. Все мы помним фразу юного Володи: «Я как Саша». И в сознании выросших в СССР людей эта братская близость стала как бы символом революционного братства. Утвердилась точка зрения, что революционная деятельность Ленина была определена мстью за казнь брата. Но не надо забывать, что старший брат был террорист, пытавшийся убить царя, убить ни за что, просто из идейных соображений. Несостоявшийся убийца, предтеча современных беспощадных террористов.

Известна фраза Ленина после казни брата, что, мол, мы «пойдем другим путем». Его жизнь показала этот другой путь, он заменил индивидуальный террор массовым, с привлечением народных низов, не знавших пощады и не понимавших, что есть культура. Он себя воспитывал и представлял как беспорочного лидера. Но отвергнув индивидуальный террор, он не отверг героев «Народной воли». Один из них, знаменитый Степан Халтурин, пользовался его особым почетом, — Халтурин, при покушении на императора убивший по меньшей мере десятков невинных людей. 5 февраля 1880 года Халтурин подпалил запальный шнур и сбежал из дворца. Взрывом были убиты 11 героев Русско-турецкой войны, служивших в почетной охране императора, и еще 56 человек ранено. Царь не пострадал. Кремлевский кабинет Ленина украшали два горельефа — Карла Маркса и Степана Халтурина.

Но для победы Ленин искал абсолютной, почти религиозной власти.



Александр Ильич Ульянов (1866–1887)

Приведу слова П. Б. Струве:

Можно сказать почти наверное, что Ленин умер от последствий сифилиса; но на мой взгляд это было во всяком случае чистой случайностью. Понятие распущенности, во французском смысле либо *débauche*, либо *libertinage*, вовсе не вяжется с психологической личностью Ленина. Даже с религиозной точки зрения его личность ставит не проблему банальной греховности рядового человека или крайней свободы, свободы от всяких сдержек и уз, то есть в сущности распущенности, сверхчеловека, а скорее проблему рациональной и дьявольской праведности. Она столь же далека от святости Христа, как фантастический образ Антихриста далек от исторического образа Христа.

[Струве, 1970, с. 164]

Преобладающей чертой его характера все же можно назвать жестокость.

Все с детства помнят полусказочный стих Некрасова «Дед Мазай и зайцы» — как старый охотник спасал с затопленных островов зайцев и перевозил их на другой берег.

Зайцы вот тоже, — их жалко до слез!  
Только весенние воды нахлынут,  
И без того они сотнями гинут, —  
Нет! еще мало! бегут мужики,  
Ловят, и топят, и бьют их баграми.  
Где у них совесть?.. Я раз за дровами  
В лодке поехал — их много с реки  
К нам в половодье весной нагоняет —  
Еду, ловлю их. Вода прибывает.  
Вижу один островок небольшой —  
Зайцы на нем собралися гурьбой.  
С каждой минутой вода подбиралась  
К бедным зверькам; уж под ними осталось  
Меньше аршина земли в ширину,  
Меньше сажени в длину.  
Тут я подъехал: лопочут ушами,  
Сами ни с места; я взял одного,  
Прочим скомандовал: прыгайте сами!  
Прыгнули зайцы мои, — ничего!  
Только уселась команда косая,



Весь островочек пропал под водой:  
“То-то! — сказал я, — не спорьте со мной!  
Слушайтесь, зайчики, деда Мазая!”

Для Ленина разлив реки и бегство спасающихся зайцев на острова означал удобный случай для массового убийства зверьков. По воспоминаниям Крупской,

Владимир Ильич был страстным охотником, только горячился очень. Осенью идем по далеким просекам. Владимир Ильич говорит: «Знаешь, если заяц встретится, не буду стрелять, ремня не взял, неудобно будет нести». Выбегает заяц, Владимир Ильич палит. Поздней осенью, когда по Енисею шла шуга (мелкий лед), ездили на острова за зайцами. Зайцы уже побелеют. С острова деться некуда, бегают, как овцы, кругом. Целую лодку настреляют, бывало, наши охотники.

[Крупская, 1933, с. 31]

Уже сам его лозунг о превращении войны империалистической в войну гражданскую был вполне людоедский, ибо предполагал братоубийство. В статье «О национальной гордости великороссов» (сентябрь 1914) он писал: «Неверен лозунг “мира”, лозунгом должно быть превращение национальной войны в гражданскую войну» [Ленин, 1971–1983, т. 26, с. 108–109].



Генерал Эрих Людендорф (1865–1937), подлинный отец большевизма, куратор и партнер В. И. Ленина

Но как выйти из войны мировой, когда будущий вождь русской революции находится за пределами страны? Ничтоже сумняшеся, Ленин принимает помощь враждующего государства и в знаменитом plombированном вагоне въезжает через Германию в Россию. Мотивы, которыми руководствовалось германское правительство, чуть позже генерал Э. Людендорф изложил так: «С военной точки зрения пропуск Ленина в Россию был оправдан: Россию необходимо было разбить любыми средствами» [Lüdenborff, 1919, S. 407].

В ночь с 3 на 4 апреля Ленин выступил во дворце Кшесинской на собрании большевиков с «Апрельскими тезисами». Н. Н. Суханов писал:

Мне не забыть этой громоподобной речи, потрясшей и изумившей не одного меня, случайно забредшего еретика, но и всех правоверных. <...> Казалось, из своих логовищ поднялись все стихии, и дух всеокрушения, не ведая ни преград, ни сомнений, ни людских трудностей, ни людских расчётов, — носится по зале Кшесинской над головами зачарованных учеников. Ленин вообще хороший оратор — не оратор законченной, круглой фразы, или яркого образа, или захватывающего пафоса, или острого словца, — но оратор огромного напора, силы, разлагающий тут же, на глазах слушателя, сложные системы на простейшие, общедоступные элементы и долбящий ими, долбящий, долбящий по головам слушателей до бесчувствия, до приведения их к покорности, до взятия в плен.

[Суханов, 1992, с. 11]

Как удержать народ и повести за собой? Напомню слова французского философа Пьера-Жозефа Прудона — «*La propriété c'est le vol*» («Собственность — это кража»). Иными словами, лозунг-призыв Ленина «Грабь награбленное», поддержанный массой, имел как бы европейское, даже почти философское обоснование. А развернувшаяся вакханалия грабежей и убийств была невероятной. Шел обычный русский бунт, бессмысленный и беспощадный. Законом № 1 отменено единоначалие в армии, армия начала разваливаться. Явочным порядком упразднена неприкосновенность личности, убивали без суда и следствия офицеров, депутатов Госдумы, людей «в очках и шляпах». Был уничтожен с отменой (в декабре 1917-го) дворянства социальный лифт. Вместо него стала выстраиваться номенклатура, основанная на преданности фюреру и режиму. Это беззаконие было Лениным возведено в принцип политики. Вот отрывок из его речи 5 июля на V Всероссийском Съезде Советов, проходившем 4–10 июля 1918 года:

Революционер, который не хочет лицемерить, не может отказаться от смертной казни. <...> Ссылаются на декреты, отменяющие смертную казнь. Но плох тот революционер, который в момент острой борьбы останавливается перед незыблемостью закона. Законы в переходное время имеют временное значение. И если закон препятствует развитию революции, он отменяется или исправляется.

[Ленин, 1971–1983, т. 36, с. 503, 504]

Петра называли в народе антихристом, обожаемый народом Ленин им был.

Петр — строил всё, Ленин всё разрушал. Государство, веру, науку, искусство, церковь, армию, промышленность, сельское хозяйство, доведя в кратчайшие сроки страну до разрухи и тотального голода. Построил репрессивный аппарат для управления страной, уже в декабре 1917 года создав Чрезвычайную комиссию во главе с Дзержинским, наделив ее правом бессудных расправ.

Петр построил три культурных слоя — дворянство, поддержал купечество и дал толчок к созданию церковного образованного слоя — семинарии. Из этого слоя вышли крупнейшие русские историки, ученые, писатели.

Ленин попов истреблял как насекомых. В письме-распоряжении Молотову от 9 марта 1922 года он писал:

Именно теперь и только теперь, когда в голодных местностях едят людей, и на дорогах валяются сотни, если не тысячи трупов, мы можем (и поэтому должны) провести изъятие церковных ценностей с самой бешеной и беспощадной энергией и не останавливаясь перед подавлением какого угодно сопротивления. <...> Поэтому я прихожу к безусловному выводу, что мы должны именно теперь дать самое решительное и беспощадное сражение черносотенному духовенству и подавить его сопротивление с такой жестокостью, чтобы они не забыли этого в течение нескольких десятилетий. <...> Чем большее число представителей реакционного духовенства и реакционной буржуазии удастся нам по этому поводу расстрелять, тем лучше.

[Ленин, 1990, С. 191–193]

*Петр строил государство, Ленин — тоталитарную деспотию. Нельзя историей XX века подменять петровскую историю, говоря об их похожести.*

Сохранились десятки писем большевистского вождя с требованием массовых расстрелов. Но одно стоит привести, где он пишет, что сам будет расстреливать. Зайчиков неслучайно убивал.

Письмо от 16 июня 1920 года. В. И. Ленин — Отделу топлива Московского Совета Депутатов трудящихся: «Если не будут приняты героические меры, я лично буду проводить в Совете Обороны и в Цека не только аресты всех ответственных лиц, но и расстрелы...» [Ленин, 1971–1983, т. 51, с. 216].

*Ленин был истинным учеником Маркса и Энгельса, под корень разрушая петровскую империю, истребляя без жалости ее население.*

Задача Ленина была Россию развалить. Отдана Аляска, Финляндия, Польша, принят Брест-Литовский мир и отдано Германии все, что она хотела. По-



Карикатура на В. И. Ленина из эмигрантского журнала начала 1920-х годов

том в 1922 году был создан СССР. Сталинский план «автономизации» подконтрольных большевикам территорий — прямого включения выделенных за время Гражданской войны формально независимых советских республик обратно в состав РСФСР на правах автономных республик Российской Федерации — был Лениным отклонен. Под давлением Ленина был принят «интернационалистский» проект, в соответствии с которым все существовавшие на тот момент основные советские республики, основанные не по административному, а по национальному принципу, получали формальное равноправие друг с другом с правом свободного выхода из Союза. По словам В. В. Путина, Ленин предложил даже не федерацию, а конфедерацию.

Путь к развалу страны. Это была мина замедленного действия. И она рванула в 1991 году в результате беловежского путча. Замысел Ленина удался.

Эмиграция издевалась над ним, но как писал еще И. А. Крылов, мол, «Васька слушает да ест». А пули его обходили. Выстрел как бы Каплан (существует предположение, что барышню подставили, а инициатором выстрела был Свердлов, который вскоре скончался от испанки [см. Тополянский, 2002]). Слишком быстро Фанни Каплан расстреляли, практически не допросив.

Умирал он страшно. В романе Марка Алданова «Самоубийство», полудокументальной биографии Ленина, написано о его последних днях: «В Москве ходила глухая молва, будто по ночам Ленин “воет как собака”, случайные прохожие в ужасе прислушиваются издали».

Его предсмертные фотографии вызывают ужас.

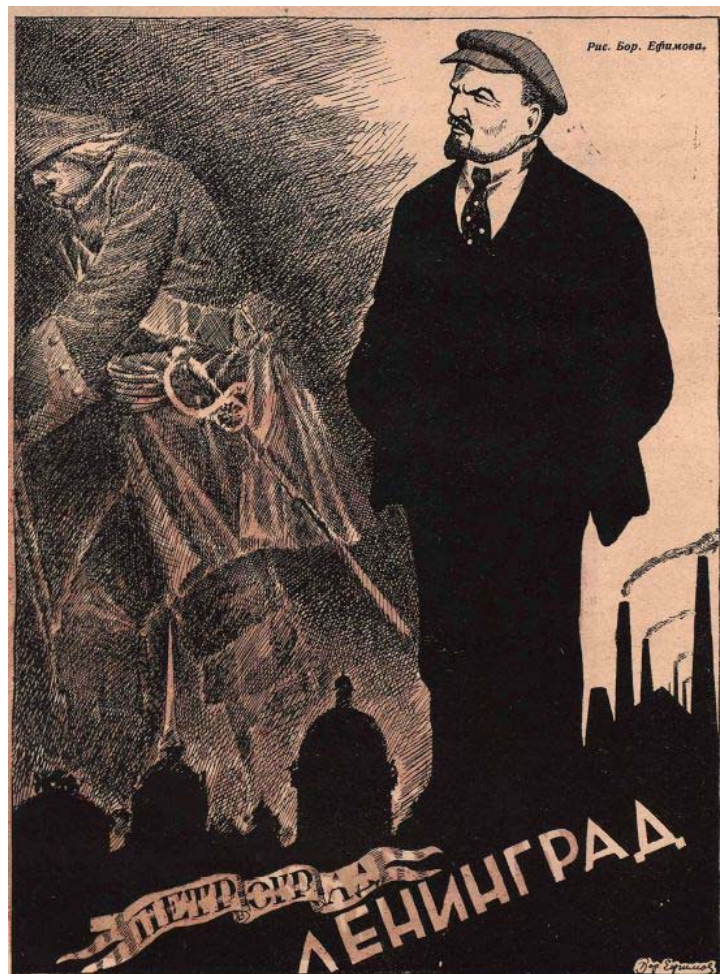
Но Ленин вроде бы победил Петра. Город, построенный Петром, назвали Ленинградом. Художник Борис Ефимов нарисовал в 1924 году плакат о переименовании города, об изгнании Петра Лениным. Бунин в ужасе писал, «что Эйфелева башня принимает радио о похоронах уже не просто Ленина, а нового Демиурга», но еще страшнее то, «что Град Святого Петра переименовывается в



Ленинград», а потому «охватывает поистине библейский страх не только за Россию, но и за Европу» [Бунин, 2006, с. 393–394].

После победы Ленина в стране стали создавать парадные портреты вождя — И. Бродский, К. Петров-Водкин и др., также проза и поэзия — Зощенко, Есенин, Маяковский, Клюев. Сплошные восторги. Нашлись, правда, два самых смелых в те годы писателя — Илья Эренбург и Евгений Замятин. Эренбург в своем великом романе «Хулио Хуренито» назвал Ленина великим инкви-

зитором, а Замятин в романе «Мы» — Благодетелем, уничтожающим живые мысли и души. Сервильную поэму Маяковского «Владимир Ильич Ленин» читали обязательно в средней школе.



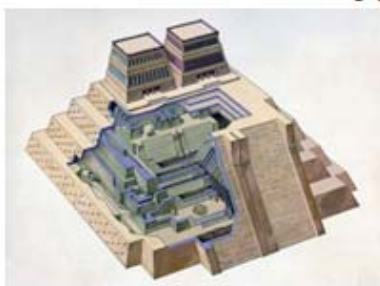


Маяковского и Бриков стал первый заместитель Ягоды Я. С. Агранов, в их доме его называли “Яня”. Этот человек, как известно, вел дело Н. Гумилёва и подписал ему смертный приговор, а также был повинен в гибели в начале 20-х годов ряда выдающихся ученых, среди которых А. Ганин, В. Таганцев, С. Мельгунов, А. Чаянов» [там же, с. 347]. Известно, что когда поэт попросил свою возлюбленную Веронику Полонскую уйти из его квартиры, сказав странную фразу, что если ничего не случится, он придет к ней в театр, последним его визитером был как раз Агранов. А в ночь перед самоубийством он звонил Асееву. «Оксана Синякова (жена Асеева) под страшным секретом рассказывала Наталье Шмельковой, что накануне самоубийства (?) раз 15 ночью звонил им и повторял все время: “Коля, я знаю точно, меня все равно убьют”» [там же, с. 136].

Впрочем, это уже были постленинские испарения. А самого Ленина забальзамировали и предложили архитектору Щусеву соорудить нечто на Красной площади, чтобы народ мог приходить и поклоняться мертвецу. До революции 1917 года архитектор Алексей Щусев рисовал иконостасы и строил церкви, а в советские годы возвел Мавзолей Ленина и здание НКВД. Щусев опирался в этом случае на ближневосточный вавилонский или шумерский принцип строительства зиккуратов, которые в представлении древних шумеров, ассирийцев и вавилонян должны были олицетворять лестницу между землей и небом. То есть Ленин как бы шел к небу.

Уже в брежневскую эпоху ходило множество анекдотов, связанных с мавзолеем. Один приведу.

В советские годы дети были убеждены в бессмертии созданного Лениным. Как-то в начале 1970-х я спросил сына дачного приятеля:



Зиккурат Ленина



Шутка времен застоя: 15 человек на сундук мертвеца — Политбюро на мавзолее

— Виталик, ты хочешь жить вечно?

Ответ:

— Что я, дело Ленина, что ли?

Но и дело Ленина оказалось не вечным, несмотря на воздвигнутые им гекатомбы из трупов. Поразительно трагическое стихотворение Мандельштама 1930 года под названием «Ленинград», где поэт слышит голоса умершего Петербурга, ищет адреса умерших петербургских друзей. Этим стихотворением я хочу закончить статью.

### Ленинград

Я вернулся в мой город, знакомый до слез  
До прожилок, до детских припухлых желез.

Ты вернулся сюда, — так глотай же скорей  
Рыбий жир ленинградских речных фонарей.

Узнавай же скорее декабрьский денек  
Где к зловещему дегтю подмешан желток.

Петербург, я еще не хочу умирать:  
У тебя телефонов моих номера.

Петербург, у меня еще есть адреса,  
По которым найду мертвецов голоса.



Я на лестнице черной живу, и в висок  
Ударяет мне вырванный с мясом звонок.

И всю ночь напролет жду гостей дорогих,  
Шевеля кандалами цепочек дверных.

1930 г.

### Список источников

- Андреева Е. А.* Петербург — “город на костях”? (О мифологизировании истории) // *Вопр. философии*. 2013. № 6. С. 29–40.
- Анисимов Е. В.* Петр I: рождение империи // *Вопр. истории*. 1989. № 7. С. 3–20.
- Брикнер А. Г.* Иллюстрированная история Петра Великого. М.: Фирма СТД, 2007. 735 с.
- Бунин И. А.* Миссия русской эмиграции (Речь, произнесенная в Париже 16 февраля 1924 г.) // *Бунин И. А. Полное собрание сочинений и писем: в 13 т. М.: Советский писатель, 2006. Т. 8. С. 388–398.*
- Гердер И. Г.* Идеи к философии истории человечества. М.: Наука, 1977. 703 с.
- Громова Наталья.* Узел. Поэты: дружбы и разрывы. М.: Эллис Лак, 2006. 685 с.
- Крупская Н. К.* Воспоминания о Ленине. Части I и II. [М.]: Партиздат, 1933. 290 с.
- Ленин В. И.* Письмо В. М. Молотову для членов Политбюро ЦК РКП(б) 19 марта 1922 г. // *Известия ЦК КПСС*. 1990. № 4. С. 190–195.
- Ленин В. И.* Полное собрание сочинений. Изд. 5-е. М.: Политиздат, 1971–1983. 55 т.
- Леонтьев К. Н.* Над могилой Пазухина // *Леонтьев К. Н. Полное собрание сочинений и писем: в 12 томах. СПб.: Владимир Даль, 2007. Т. 8. С. 445–460.*
- Маркс К. и Энгельс Ф.* Сочинения. Изд. 2-е. М.: Госполитиздат, 1955–1981. 50 т.
- Маркс Карл.* Разоблачение дипломатической истории XVIII века // *Вопр. истории*. 1989. № 4. С. 5–19.
- Погодин М. П.* Петр Великий // *Погодин М. П. Избранные труды*. М.: РОССПЭН, 2010. С. 229–244.
- Полевой Н. А., Полевой Кс. А.* Литературная критика. Л.: Худож. лит., 1990. 589 с. (Русская литературная критика).
- Пушкин А. С.* Собрание сочинений: в 10 т. М.: ГИХЛ, 1959–1962. 10 т.
- Соловьев С. М.* Публичные чтения о Петре Великом // *Соловьев С. М. Сочинения: в 18 кн. М.: Мысль, 1995. Кн. XVIII: Работы разных лет. С. 5–152.*

Стахевич С. Г. Среди политических преступников // Н. Г. Чернышевский: Pro et contra. Антология / сост. А. А. Демченко. СПб.: РХГА, 2008. С. 126–190.

Струве П. Б. Мои встречи и столкновения с Лениным // Вестник РХСД, 1970. № 95–96. С. 143–166.

Суханов Н. Н. Записки о революции: в 3 т. М.: Республика, 1992. Т. 3. 420 с.

Тополянский Виктор. Загадочная испанка // Континент. 2002. № 112. С. 284–315.

Тютчев Ф. И. Россия и Германия // Тютчев Ф. И. Полн. собр. соч. Письма: в 6-ти т. М.: Классика, 2003. Т. 3. С. 111–129.

Шпенглер О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. М.: Мысль, 1998. Т. 2: Всемирно-исторические перспективы. 606 с.

Энглунд Петер. Полтава. Рассказ о гибели одной армии. М.: Новое книжное обозрение, 1995. 225 с.

Юль Ю. Записки Юста Юля, датского посланника при Петре Великом: 1709–1711 // Лавры Полтавы / сост. В. Наумов. М.: Фонд Сергея Дубова, 2001. С. 9–396.

Lüdenorff E. Meine Kriegserinnerungen 1914–1918. Berlin: Ernst Siegfried Mittler und Sohn, 1919. VIII, 628 S.

## References

Andreeva, E.A. (2013) ‘Peterburg — “gorod na kostyakh”?’ (O mifologizirovanii istorii) [‘Is Petersburg a “City on the Bones”?’ (On the Mythologization of History)], *Voprosy filosofii*, 6, pp. 29–40.

Anisimov, E.V. (1989) ‘Petr I: rozhdenie imperii’ [‘Peter I: The Birth of an Empire’], *Voprosy istorii*, 7, pp. 3–20.

Brikner, A.G. (2007) *Ilyustrirovannaya istoriya Petra Velikogo* [An Illustrated History of Peter the Great]. Moscow: Firma STD.

Bunin, I.A. (2006) ‘Missiya russkoi emigratsii (Rech’, proiznesennaya v Parizhe 16 fevralya 1924 g.)’ [‘The Mission of the Russian Emigration (Speech Delivered in Paris on February 16, 1924)’], in Bunin, I.A. *Polnoe sobranie sochinenii i pisem: v 13 tomakh. Tom 8* [Complete Works and Letters: in 13 vols. Vol 8]. Moscow: Sovetskii pisatel’, pp. 388–398.

Gerder, I.G. (1977) *Idei k filosofii istorii chelovechestva* [Ideas for the Philosophy of the History of Humanity]. Moscow: Nauka.

Gromova, Natal’ya (2006) *Uzel. Poety: druzhby i razryvy* [Node. Poets: Friendships and Breaks]. Moscow: Ellis Lak.

Krupskaya, N.K. (1933) *Vospominaniya o Lenine. Chasti I i II* [Memories of Lenin. Parts I and II]. [Moscow]: Partizdat.

Lenin, V.I. (1990) 'Pis'mo V.M. Molotovu dlya chlenov Politbyuro TsK RKP(b) 19 marta 1922 g.' ['Letter to V.M. Molotov for Members of the Politburo of the Central Committee of the RCP(b) March 19, 1922'], *Izvestiya TsK KPSS*, 4, pp. 190–195.

Lenin, V.I. (1971–1983) *Polnoe sobranie sochinenii* [Complete Works] (55 vols). Moscow: Politizdat.

Leont'ev, K.N. (2007) 'Nad mogiloi Pazukhina' ['Over the Grave of Pazukhin'], in Leont'ev, K.N. *Polnoe sobranie sochinenii i pisem: v 12 tomakh. Tom 8* [Complete Works and Letters: in 12 vols. Vol. 8]. St. Petersburg: Vladimir Dal', pp. 445–460.

Marks, K. & Engel's, F. (1955–1981) *Sochineniya: v 50 tomakh* [Works: in 50 vols]. 2<sup>nd</sup> edn. Moscow: Gospolitizdat.

Marks, Karl (1989) 'Razoblachenie diplomaticheskoi istorii XVIII veka' ['Exposing the Diplomatic History of the 18<sup>th</sup> Century'], *Voprosy istorii*, 4, pp. 5–19.

Pogodin, M.P. (2010) 'Petr Velikii' ['Peter the Great'], in Pogodin, M.P. *Izbrannye trudy* [Selected Works]. Moscow: ROSSPEN, pp. 229–244.

Polevoi, N.A., Polevoi, Ks.A. (1990) *Literaturnaya kritika* [Literary Criticism]. Leningrad: Khudozhestvennaya literatura. (Russkaya literaturnaya kritika [Russian Literary Criticism]).

Pushkin, A.S. (1959–1962) *Sobranie sochinenii: v 10 tomakh* [Collected Works: in 10 vols]. Moscow: Khudozhestvennaya literatura.

Solov'ev, S.M. (1995) 'Publichnye chteniya o Petre Velikom' ['Public Readings about Peter the Great'], in Solov'ev, S.M. *Sochineniya v 18 knigakh. Kniga XVIII: Raboty raznykh let* [Works: in 18 Books. Book XVIII: Works of Different Years]. Moscow: Mysl', pp. 5–152.

Stakhevich, S.G. (2008) 'Sredi politicheskikh prestupnikov' ['Among Political Criminals'], in N.G. Chernyshevskii: *Pro et contra. Antologiya* [N.G. Chernyshevsky: Pro et Contra. Anthology]. Compiled by A.A. Demchenko. St. Petersburg: RKhGA, pp. 126–190.

Struve, P.B. (1970) 'Moi vstrechi i stolknoveniya s Leninym' ['My Meetings and Collisions with Lenin'], *Vestnik RKhSD*, 95–96, pp. 143–166.

Sukhanov, N.N. (1992) *Zapiski o revolyutsii: v 3 tomakh. Tom 3* [Notes on the Revolution: in 3 vols. Vol. 3]. Moscow: Respublika.

Topolyanskii, Viktor (2002) 'Zagadochnaya ispanka' ['Mysterious Spaniard'], *Kontinent*, 112, pp. 284–315.

Tyutchev, F.I. (2003) 'Rossiya i Germaniya' ['Russia and Germany'], in Tyutchev, F.I. *Polnoe sobranie sochinenii. Pis'ma: v 6 tomakh. Tom 3* [Collected Works. Letters: in 6 vols. Vol. 3] Moscow: Klassika, pp. 111–129.

Shpengler, O. (1998) *Zakat Evropy. Ocherki morfologii mirovoi istorii. Tom 2: Vsemirno-istoricheskie perspektivy* [Decline of Europe. Essays on the Morphology of World History. Vol. 2: World-historical Perspectives]. Moscow: Mysl'.

Englund, Peter (1995) *Poltava. Rasskaz o gibeli odnoi armii* [*Poltava. The Story of the Death of one Army*]. Moscow: Novoe knizhnoe obozrenie.

Yul', Yu. (2001) 'Zapiski Yusta Yulya, datskogo poslannika pri Petre Velikom: 1709–1711' ['Notes of Yust Yul, the Danish envoy to Peter the Great: 1709–1711'], in *Lavry Poltavy* [*Lavra of Poltava*]. Compiled by V. Naumov. Moscow: Fond Sergeya Dubova, pp. 9–396.

Lüdenorff, E. (1919) *Meine Kriegserinnerungen 1914–1918*. Berlin: Ernst Siegfried Mittler und Sohn.

**Информация об авторе:** В. К. Кантор — доктор философских наук, ординарный профессор, главный научный сотрудник, заведующий Международной лабораторией русско-европейского интеллектуального диалога, главный редактор журнала «Философические письма. Русско-европейский диалог». Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ). Адрес: Российская Федерация, 105066, Москва, ул. Старая Басманная, д. 21/4, каб. 215.

**Information about the author:** V. K. Kantor — DSc in Philosophy, Full Professor, Chief Research Fellow, the Head of International Laboratory for the Study of Russian and European Intellectual Dialogue, Editor-in-Chief of the journal “Philosophical Letters. Russian and European Dialogue”. National Research University “Higher School of Economics” (HSE University). Address: 215, 21/4 Staraya Basmannaya Str., Moscow, 105066, Russian Federation.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 02.05.2022;  
принята к публикации 21.05.2022.

The article was submitted 02.05.2022;  
accepted for publication 21.05.2022.